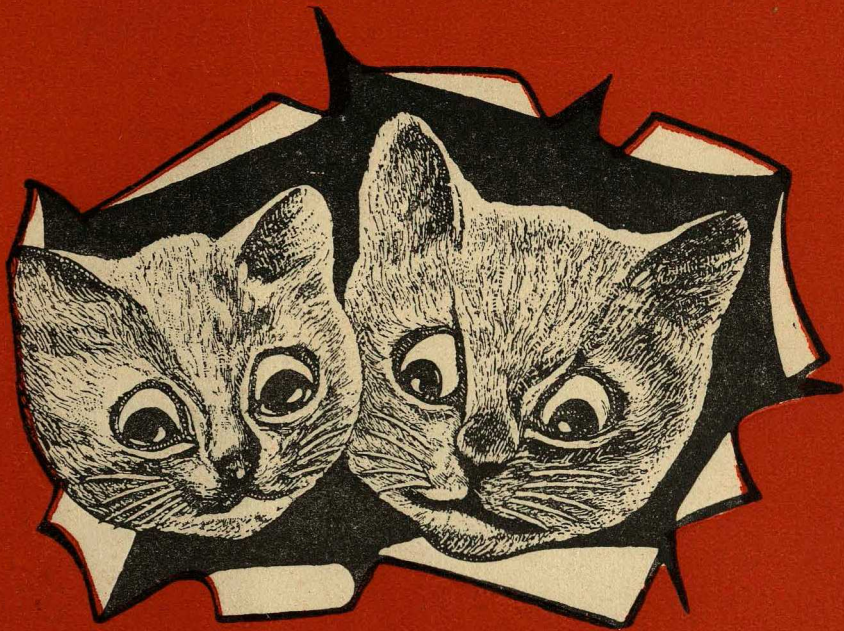

Годъ изданія пятый.

ЮЛЬ.

№ 18.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.
ЖЕЛѢЗНЫЙ СУНДУЧЕКЪ.
ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.
НИТКА ЖЕМЧУГА (повѣсть).
СИРЕНЬ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Путешествіе на сѣверный полюсъ. (игра).
Выкройки воротничковъ для дѣвочки.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

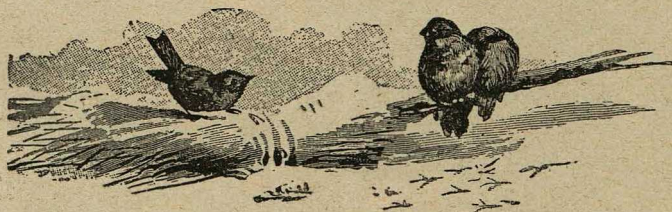

Маленькій художникъ.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Тропинкой узкою по парку мы идемъ...
 Какъ дышется легко!.. Гроза едва промчалась,
 Какъ ужъ блестятъ листы, омытые дождемъ,
 И капелька, сверкнувъ, на стеблѣ закачалась...
 А за плетнемъ, вдали, виднѣются поля,
 И на горѣ село раскинулось красиво,
 Какъ сторожа, стоять вокругъ церкви тополя,
 Сожженная грозой, склонилась къ рѣчкѣ ива...
 А рѣчка быстрая рокочетъ и бурлитъ...
 Сіяетъ церкви крестъ въ косыхъ лучахъ заката
 И сладкій запахъ липъ по воздуху разлитъ...
 Порою слышенъ гулъ далекаго раската,
 Порою молнія блеснетъ межъ дальнихъ тучъ,
 И свѣтлой радуги повисла въ небѣ арка...
 На капелькахъ въ травѣ горитъ прощальный лучъ
 И снова пѣнье птицъ звучитъ въ аллеяхъ парка...
 Давно знакомая картина мнѣ мила,
 Люблю зарницы блескъ и шумъ раскатовъ дальнихъ
 И этотъ видъ простой родного мнѣ села,
 И группы тополей пирамидальныхъ...

А. Н.

ЖЕЛѢЗНЫЙ СУНДУЧЕКЪ.

Мнѣ было тогда 16 лѣтъ и я Дѣдушка-же былъ живъ и служилъ
 отлично все помню. Имѣніе на- огородникомъ у господъ и вмѣстѣ
 шихъ господъ находилось между съ моей бабушкой жилъ на краю
 Вязьмой и Дорогобужемъ. Съ са- усадьбы въ отдѣльной отъ деревни
 мыхъ дѣтскихъ лѣтъ я была взята избѣ. Тамъ-же, вмѣстѣ съ ними,
 въ домъ къ барышнѣ Натальѣ жила и моя мать съ двумя другими
 Константиновнѣ, играла съ ней, и своими дѣтьми, моей сестрой Анют-
 мы были съ ней, какъ двѣ близ- кой и братишкой Васькой. Я-же
 кія подруги. Отца у меня небыло. жила въ господскомъ домѣ и

только каждый день навѣдывалась къ дѣдушкѣ, чтобы повидаться съ матерью и что-нибудь принести повкуснѣе съ господскаго стола Анюткѣ и Васькѣ.

И вдругъ у насъ пошли какіе-то странные толки. Заговорили о томъ, что черезъ наше селеніе долженъ пройти на Москву какой-то Наполеонъ, что у него много войска и что онъ хочетъ завоевать всю нашу Россію. Господа мои стали перешептываться между собою и разговаривать по-французски, а среди мужиковъ началось броженіе. Одни изъ нихъ стали собираться на войну, а другіе заговорили, что скоро будетъ воля, и не будетъ уже крѣпостного права. Мимо насъ съ утра и до вечера проходили русскіе солдаты и везли откуда-то раненыхъ. Пронеслись затѣмъ слухи, что Наполеонъ взялъ уже Смоленскъ и что дня черезъ два будетъ уже у насъ. Мы всѣ переполошились. На баринѣ и барынь не было лица, я все время плакала отъ страха, а барышня Наталья Константиновна все молилась Богу. Какъ вдругъ прѣзжаетъ къ намъ засѣдатель и говорить:

— Что вы сидите здѣсь, сложа руки? Вѣдь Наполеонъ уже въ двадцати верстахъ! Онъ васъ заберетъ въ плѣнъ и все ваше имѣніе и деньги возьметъ себѣ! Уѣзжайте скорѣе въ Москву. Всѣ господа уже поразѣхались!

Онъ ускакалъ дальше, а мы такъ перепугались, что не чувствовали подъ собою ногъ. Былъ уже вечеръ и до прихода Наполеона оставалось всего только какихъ-нибудь два часа. Баринъ и барыня не знали, что дѣлать. Мы всѣ засуетились, стали хвататься то за одно, то за другое, все валилось у насъ изъ рукъ,—развѣ успѣешь собраться за два часа?

— Какъ это я прозѣваль? все волновался баринъ.—Какъ это я пронадѣялся, что мы побѣдимъ и прогонимъ Наполеона?

Да видно такова ужъ была Божья воля. Кое какъ запрягли двѣ тройки и стали укладываться въ дорогу.

— Ты съ нами тоже поѣдешь, Мариша! сказала мнѣ барышня.— Мнѣ одной безъ тебя будетъ скучно.

Я сбѣгала къ своимъ, простилась съ дѣдушкой, бабушкой, матерью, братомъ и сестрой, и тоже стала собирать свои пожитки.

— Да скорѣе же! Скорѣе! все время торопила насъ барыня.

А баринъ все время укладывалъ бумаги и что-то писалъ. А потомъ онъ вышелъ и подалъ барышнѣ Наталіи Константиновнѣ какой-то пакетъ.

— Наташа! сказала онъ.— Это мое духовное завѣщаніе и письма къ роднымъ. Если я умру по дороге, то знай, что ты владѣлица всего и береги мать!

Онъ прослезился. Мы тоже заплакали. Потомъ онъ подошелъ къ барынѣ, обнялъ ее и сказалъ:

— Софьюшка, гдѣ наши фамильные брилліанты и деньги?

Барыня вынесла къ нему ларецъ съ брилліантами и нѣсколько мѣшочковъ золотыхъ денегъ. Онъ все это сложилъ въ желѣзный сундучокъ, перевязалъ его цѣпочкой, наложилъ печати и сказалъ:

— Пойдемте!

Мы всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ вывелъ насъ черезъ садъ къ пруду и оглядѣлся по сторонамъ. Было уже совсѣмъ темно, сверкали звѣзды и далеко за лѣсомъ виднѣлись уже зарева пожаровъ. Это уже приближался къ намъ Наполеонъ.

— Замѣтите хорошенько это мѣсто обратился къ намъ баринъ.— Постарайтесь его запомнить. Очень возможно, что насъ догонитъ Наполеонъ и возьметъ насъ въ плѣнъ. Тогда всѣ эти драгоценности и деньги достанутся ему. Но я этого не желаю и не допущу. Я сдѣлаю вотъ что!..

И онъ размахнулся и бросилъ желѣзный сундучокъ въ воду. По пруду пошли круги.

— Что ты дѣлаешь? воскликнула барыня.—Вѣдь ты оставляешь насъ нищими!

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ.—Вотъ для того-то, чтобы вы не остались ими, я и бросилъ этотъ сундучокъ въ воду. Тамъ онъ будетъ цѣлѣе.

Когда Наполеонъ уйдетъ изъ Россіи и вы возвратитесь обратно въ эту усадьбу, то ты прикажи прорвать плотину, спусти весь прудъ до дна и возьми оттуда свои драгоценности назадъ. Онъ опять будутъ твоими. А потомъ прудъ набѣжитъ снова и все будетъ по прежнему.

Послѣ этого мы сѣли въ экипажъ и поскакали въ Москву. Была темная ночь, позади насъ горѣли пожары, слышались пушечные выстрѣлы и полъ-неба было красное отъ зарева. Наши лошади выбивались изъ силъ и не было возможности ѣхать по испорченнымъ уже дорогамъ. Баринъ все оглядывался назадъ и все повторялъ:—„Ну, теперь ужъ они у насъ! Это горитъ нашъ домъ!“ Барыня все крестилась, а я думала о своихъ: „Какъ-то они тамъ? Не сдѣлалъ-бы имъ Наполеонъ какого зла!“ Къ полночи мы выбрались на большую дорогу и присоединились къ нашему обозу. Это уходили отъ Смоленска къ Москвѣ наши войска. Ъхало видимо-невидимо телѣтъ и все слышались стоны: это везли въ Вязьму нашихъ раненыхъ. Баринъ говорилъ, что еще дальше, впереди насъ, шла въ Москву вся наша армія: она уходила отъ французовъ нарочно, чтобы заманить неприятеля какъ-можно дальше въ глубь Россіи и тамъ его совсѣмъ истребить. И чего только мы не

испытали за эту поѣздку, — одному Богу извѣстно. А когда наконецъ мы добрались до города Гороховца, гдѣ у барыни жила замужняя сестра, то была уже глубокая осень. Было холодно, шли дожди и мы никакъ не могли согрѣться. Здѣсь мы похоронили нашего бѣднаго барина Константина Петровича, онъ простудилъ себѣ за дорогу грудь и слегъ. Наталья Константиновна осталась сиротой. Мы долго по немъ плакали и все никакъ не могли успокоиться. Точно онъ предчувствовалъ свою кончину, когда уѣзжалъ изъ родного гнѣзда и писалъ свои послѣднія бумаги! Мнѣ было тяжело жить у чужихъ господъ, хотѣлось домой и все думалось о своихъ.

— Господи, молилась я, — перенеси меня по воздуху домой. Дай мнѣ хоть однимъ глазочкомъ посмотреть на мать!

На Рождествѣ до насъ дошли вѣсти, что французовъ уже прогнали изъ Москвы и что Наполеонъ со стыдомъ убѣжалъ, покинувъ своихъ солдатъ. Значить, теперь можно было уже возвратиться и во-свояси. Мы отслужили благодарственный молебень и стали поговаривать о поѣздкѣ домой. Но наша барыня была такъ напугана всѣмъ происшедшимъ и такъ скорбѣла по покойномъ баринѣ, что отказалась ѣхать домой наотрѣзъ и рѣшила прожить въ Гороховцѣ у сестры еще годъ. Мы

съ Натальей Константиновной стали скорбѣть.

— Попрошусь-ка я у маменьки домой одна! сказала мнѣ какъ-то вечеромъ барышня. — Ты поѣдешь со мной?

У меня отъ радости забилося сердце.

— Да вѣдь не отпустить! отвѣтила я. — Вѣдь мы обѣ еще дѣвчонки! Намъ только по шестнадцати лѣтъ!

— Отпустить! отвѣтила она и стала упрашивать свою мать.

Ужъ я и не знаю, какими словами она упросила ее, но только наша барыня отпустила насъ ѣхать обратно вдвоемъ однихъ. Запрягли для насъ кибитку, сѣлъ на козлы нашъ кучеръ Егорка, посадили рядомъ съ нимъ старичка-камердинера Степаныча, котораго Гороховецкая барыня дала намъ въ провожатые, и мы тронулись въ путь. До Москвы мы доѣхали благополучно, а когда въѣхали въ Москву, то не повѣрили своимъ глазамъ: вся она сгорѣла и представляла собою одно сплошное пожарище, по которому грустно бродили одинокіе жители, отыскивая тѣ мѣста, гдѣ когда-то стояли ихъ дома. На всемъ виднѣлось хозяйничанье непріятели.

И Господи Ты, Боже мой, что теперь представляла собой та самая Смоленская дорога, по которой мы лѣтомъ убѣгали отъ Наполеона къ Москвѣ! Деревни всѣ сожжены,

то и дѣло попадаются трупы лошадей и людей, закоченѣвшіе отъ мороза, брошенные разломанныя телѣги, разбитыя пушки, зарядныя ящики—да всего и не перечесть! А когда мы пріѣхали къ себѣ домой, то такъ и залились слезами. Весь нашъ господскій большой домъ былъ сожженъ и только торчали вмѣсто [него обгорѣлыя печи и трубы. Весь фруктовый садъ оказался изрубленнымъ: имъ французы согрѣвали себя, раскладывая костры.

Все было разграблено или уничтожено и только и уцѣлѣли домикъ управляющаго Семена Ивановича, да та избенка, въ которой жили мои родные. Увидѣвъ насъ, всѣ наши обрадовались [намъ, выбѣжали къ намъ навстрѣчу и всѣ мы долго плакали отъ радости и отъ горя. И намъ они много рассказали, и мы имъ много рассказывали и не вѣрили своимъ глазамъ, что Богъ сподобилъ намъ снова свидѣться. Только въ моей семьѣ случилась большая перемена: моего дѣдушку нашли раненымъ, и когда принесли его домой, то онъ успѣлъ только сказать бабушкѣ два—три слова и тотчасъ же скончался. А бабушка отъ всѣхъ пережитыхъ страховъ и отъ неожиданной потери дѣдушки вдругъ какъ-то сразу обо всемъ позабыла и стала странно заговариваться. Точно она сошла съ ума.

Тотчасъ-же по пріѣздѣ мы съ

барышней разстались: она поселилась у управляющаго Семена Ивановича, а я—въ своей семьѣ у матери. Больше некуда было дѣваться. Стояла масленница, все было подъ снѣгомъ и мы стали ожидать весны, когда можно будетъ спустить прудъ, достать изъ него заветный сундучокъ и выстроить на лежавшія въ немъ деньги новую усадьбу.

— Только какъ бы намъ это такъ сдѣлать, говорила мнѣ шепотомъ барышня,—чтобы никто не увидѣлъ и не догадался?

Это смущало и меня.

И вдругъ барышня прибѣгаетъ ко мнѣ, на ней нѣтъ лица, она вся дрожитъ и говорить:

— Ты знаешь, Мариша, вѣдь мы совсѣмъ разорены! Осенью безъ насъ шли большіе дожди, плотину прорвало и весь прудъ утекъ самъ собою!

— Да что вы, барышня, такое говорите? испугалась и я и мы вмѣстѣ побѣжали на прудъ.

Барышня оказалась права. На мѣстѣ пруда оказалась одна только пустая котловина и на ней только слегка былъ присыпанъ снѣгъ.

— Давай скорѣе искать! сказала барышня.

Мы сбѣгали за лопатами и стали разгребать. Но сколько мы ни старались, какъ мы ни напрягали наши усилія, такъ мы нашего сундучка и не нашли. Было ясно, что его кто то нашелъ раньше насъ

другой и унесъ. Вѣроятно, это были французы. И мы стали обѣ горько плакать. Теперь моя бѣдная барышня была сиротой и безъ всякихъ средствъ! Наплакавшись до сыта, мы стали молиться Богу, а потомъ успокоились немного и разошлись каждая къ себѣ: она къ Семену Ивановичу, а я къ своимъ.

Была пятница на масляной недѣлѣ. Наши деревенскіе ребята послѣ столькихъ мѣсяцевъ горя и тревоженій, рѣшили рядиться и устроить катанье. Анютка и Васька тоже устраивали себѣ костюмы и какъ-то загадочно между собою перемигивались.

— Я буду королевой, а ты принцемъ! сказала Васькѣ Анютка. — Вотъ только-бы достать епанчу. Возьму у матери шаль и надѣну на себя. Это и будетъ епанчей!

Бабушка сидѣла у окна и бормотала разный вздоръ, а матушка ушла подоить корову. Я лежала за перегородкой, думала о пропавшемъ сундучкѣ и все никакъ не могла успокоиться.

— Они жгутъ... они жгутъ!.. бредила бабушка. — Господа наши пропали!.. Власьичъ, иди сюда скорѣй!

Власьичемъ звали моего дѣдушку, ея покойнаго мужа. А около нея что-то дѣлали на полу Васька и Анютка и ссорились между собой.

— Я приколю себѣ на голову! говорила Анютка. — Такъ носятъ королевы!

— Нѣтъ, лучше я надѣну себѣ на грудь, какъ генераль! отвѣтилъ ей Васька.

И затѣмъ они подрались. Анютка обидѣлась и сказала:

— Если ты такой, то я обо всемъ расскажу маменькѣ и Маршѣ!

— А если ты это сдѣлаешь, отвѣтилъ ей Васька, — то я тебя посажу въ погребъ и тамъ тебя съѣдятъ змѣи и пауки!

Анютка испугалась этой угрозы и замолчала.

— Скорѣй, скорѣе идите сюда!.. все еще бредила бабушка. — Зовите скорѣе попа!.. Власьичъ умираетъ!.. А? что ты, Власьичъ, сказалъ?.. А ну-ка повтори еще разъ!..

Вошла маменька, поставила на столъ кувшинъ молока, уняла дѣтей и дала имъ поѣсть.

— Маменька, дай мнѣ твою шаль! обратилась къ ней Анютка. — Позволь намъ нарядиться! Вѣдь масляница!

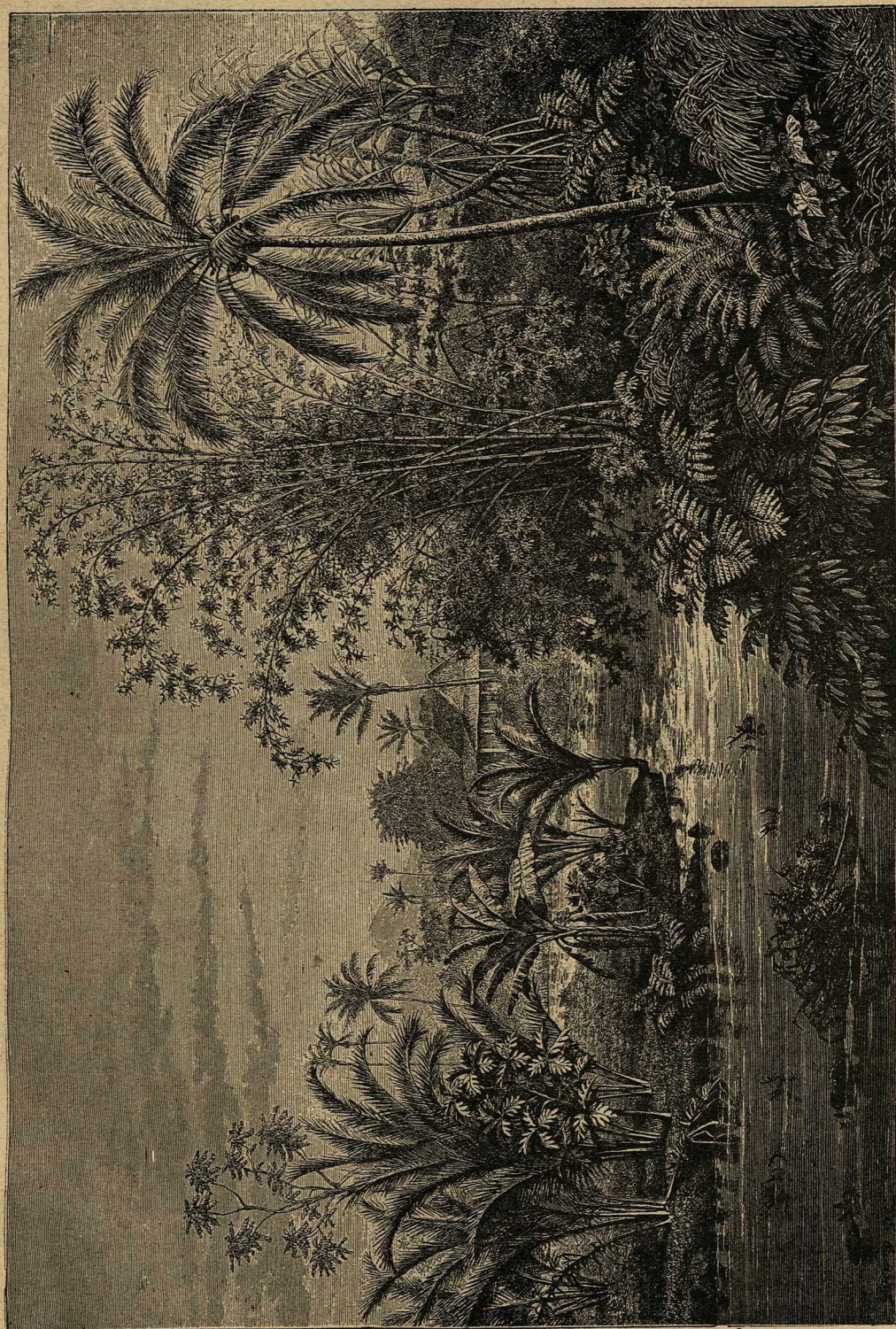
— Ахъ, отвяжись отъ меня, пожалуйста! крикнула на нее усталая мать и швырнула ей свою шаль. — На, возьми! Только, смотри, по глупости не разорви.

Дѣти схватили шаль и выбѣжали изъ избы. Матушка подошла къ бабушкѣ и склонилась надъ ней.

— Маменька! сказала она. — Чего ты все бормочешь?.. Образумься!.. Приди въ себя!.. Вѣдь приѣхала наша барышня Наталія Константиновна, тебѣ поклонъ отъ барыни привезла!

У береговъ Аляски въ Сѣверной Америкѣ.

Тропический лесъ въ Южной Америкѣ.

— Власычъ, повтори еще разъ, что ты сказалъ! продолжала бормотать бабушка.—А? На чердакъ? Около трубы? А?.. Что ты говоришь?!

Матушка посмотрѣла на нее и печально покачала головой.

— Вотъ такъ съ самаго француза это и приключилось!.. сказала она какъ-бы самой себѣ.—То она со-всѣмъ, какъ здоровая, и думаетъ и рассуждаетъ, какъ и всѣ, а то вдругъ въ ней что-то сдѣлается такое, точно кто-то запретъ ей голову на ключъ, и она забываетъ все. Бормочетъ какія-то слова, а что говоритъ—и не понять.

И, наливъ въ чашку молока и накрошивъ въ нее хлѣба, она поднесла его къ старушкѣ и дала ей поѣсть.

— Кушай, матушка!.. ласково сказала она.—Ѣшь на здоровье!

Пришла затѣмъ барышня Ната-лія Константиновна, сѣла на лавку и долго и горько плакала. Я тоже ревѣла съ нею въ три ручья. Ма-менька смотрѣла на насъ, не понимала, о чемъ мы плачемъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что мы признались ей во всемъ. Она такъ и всплеснула руками.

— А вѣдь я сама видѣла, ска-зала она,—какъ въ томъ мѣстѣ на прудѣ шарили французы!

Теперь, послѣ этихъ матушки-ныхъ словъ, для насъ было уже ясно, что нашъ сундучекъ поте-рянъ для насъ навсегда.

— Намъ теперь нечѣмъ съ ма-

менькой жить, сказала барышня.— Въ сундучкѣ было все, что мы имѣли! Теперь, вѣроятно, придется намъ продать эту землю и уѣхать къ роднымъ..

Бабушка вдругъ пристально по-смотрѣла на барышню и пома-нила ее къ себѣ.

— А, здравствуй, Наташенька! весело сказала она.— Давно-ль приѣхала? Какъ поживаешь? За-чѣмъ это ты хочешь продавать эту землю?..

Мы всѣ вздрогнули и удивились.

Наталія Константановна опу-стила голову. Щеки ея покраснѣли.

— Теперь намъ съ мамой не-чѣмъ жить... проговорила она.— Вмѣстѣ съ сундучкомъ пропали всѣ наши деньги и брилліанты!..

— Брилліанты?.. повторила ба-бушка.—Это тѣ, что такъ ярко свер-каютъ?..

— Да, да! воскликнула моя мать.—Развѣ ты видѣла ихъ когда-нибудь?..

Старушка откинула голову на-задъ.

— Постой, матушка, вмѣшалась я,—дай ей говорить! Не перебивай ее! Ты видишь, что къ ней вер-нулся расудокъ!

И, бросившись къ бабушкѣ, я взяла ее за руки и стала ихъ гладить. Такъ дѣлалъ всегда покой-ный баринъ, когда хотѣлъ прила-скать и успокоить барыню.

— Да... продолжала бабушка.— Я, кажется, что-то припоминаю..

Да, да! Была ночь... Его принесли всего въ крови...

— Кого это? спросила барышня.—Кого принесли всего въ крови?

— Моего Власьича... Его ранили французы... Я бросилась къ нему и стала звать священника... Чтобы исповѣдывать его... Пойдите, что-же было потомъ?

— Вспомни, матушка! взмолилась моя мать.—Помоги тебѣ Господь!

Бабушка уставилась взглядомъ на темное окно и стала собираться съ мыслями. Мы все окружили ее и старались не проронить ни одного ея слова.

— Онъ былъ весь въ крови... Да, да, это было такъ!.. продолжала бабушка.—Когда все ушли, я припала къ нему и вдругъ онъ открылъ глаза...—„Егоровна“, сказалъ онъ,—„сейчасъ я шелъ мимо пруда и увидѣлъ, какъ французскій солдатъ вытащилъ изъ него что-то тяжелое и понесъ... Я догналъ его и увидалъ, что это былъ желѣзный сундучокъ“...

— Желѣзный сундучокъ!! воскликнули разомъ и я, и Наталія Константиновна.

— Да не перебивайте ее! крикнула на насъ моя мать.—А то она опять позабудетъ все!

И, обратившись къ бабушкѣ, она ласково ей сказала:—Говори, матушка, говори!..

— „Тогда я бросился на него, сказалъ Власьичъ“, продолжала

бабушка,—„осилилъ его и отнял у него этотъ сундучокъ“...

Я и барышня съ облегченіемъ вздохнули и перекрестились.

— ...„Я принесъ его домой, открылъ его въ сараѣ, и въ немъ оказались бумаги нашего барина, деньги и такіе брилліанты, что на нихъ больно смотрѣть...“

— Брилліанты!—теперь уже воскликнула въ удивленіи и мать.

Мы еще ближе, полныя тревоги и любопытства, столпились около старухи и боялись, какъ-бы она не перестала говорить.

— Продолжай, бабушка, продолжай!..—сказала я.

Бабушка все еще смотрѣла, не мигая, на темное окно и, казалось, напрягла все свои усилія, чтобы вспомнить и говорить.

— „Тогда Власьичъ мнѣ сказалъ“,—продолжала она.—„Егоровна, я всю свою жизнь вѣрой и правдой служилъ своимъ господамъ. Не выдамъ я ихъ и теперъ!.. Запомни мои слова! На меня сейчасъ напали французы, изранили меня и я долженъ умереть... Когда я умру, то никто не узнаетъ, куда я спряталъ этотъ сундучокъ... Запомни мои слова: онъ лежитъ...“

Старушка сдѣлала движеніе, точно ее передернула дрожь, и замолчала. Мы все бросились къ ней и стали со слезами ее умолять:

— Бабушка, милая!—говорили

мы.—Продолжай! Вспомни! Скажи намъ, гдѣ лежитъ сундучокъ?

И точно наши слезы снова возвратили ее къ дѣйствительности, она сдѣлала надъ собой усиліе и громко произнесла:

— „Онъ лежитъ на чердакѣ, около трубы!“

И она снова впала въ свое обычное забытѣе и не выходила изъ него уже больше никогда до самой своей могилы.

Мы бросились всѣ на чердакъ, перерыли и перешарили въ немъ все, но сундучка на немъ такъ и не оказалось. Должно быть, думали мы, бабушка все это видѣла во снѣ и рассказала намъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ. И мы печальными сошли внизъ, усѣлись по скамьямъ и долго и тяжело молчали.

Какъ вдругъ въ сѣняхъ раздались радостные голоса Васьки и Анютки.

— Кукуреку! Ура! — кричали они.—Отворяйте намъ! Ряженные пришли!

И дверь настѣжь распахнулись и они вошли къ намъ въ горницу. То, что мы увидѣли, заставило насъ вскочить, ахнуть и всплеснуть отъ удивленія руками.

— Я—королева! Я—королева! — визжала Анютка.—Смотрите всѣ, какая я королева!

— А я—принцъ! Я—генераль! — кричалъ Васька.

Оба они прыгали, ломались и кривлялись, а мы стояли въ уди-

вленіи и не могли сказать ни одного слова.

Съ плечей у Анютки спускалась шаль, а на головѣ у нея сверкала бриллиантовая корона. Вся шея была унизана драгоценными камнями. У Васьки бриллианты свѣтились на груди и на плечахъ и онъ подпрыгивалъ и радовался, какъ козель.

— Смотрите, какой я генераль! — воскликнулъ онъ.

Раньше всѣхъ другихъ насъ пришла въ себя наша мать. Она подскочила къ нимъ и стала срывать съ нихъ драгоценные камни. Они оба сразу опѣшили, въ удивленіи остановились и стали смотрѣть на нее испуганными, удивленными глазами.

— Гдѣ вы это все взяли?—стро-го крикнула она на нихъ.—Говорите сейчасъ-же! Признавайтесь!.. А не то я васъ обоихъ выдеру и не дамъ вамъ блиновъ!

Васька потупился и не отвѣтилъ ни слова.

— Мы полѣзли на чердакъ, сразу же отвѣтила Анютка, — и нашли тамъ желѣзный сундучекъ...

— Отчего-же ты не сказала объ этомъ мнѣ тогда-же?—все такъ-же строго продолжала мать.

— Васька сказалъ мнѣ, что если я признаюсь кому-нибудь, то онъ меня посадитъ въ погребъ на съѣденіе къ змѣямъ и паукамъ.

Мать дала Васькѣ подплѣпникъ и потянула его за вихорь.

— Гдѣ-же этотъ сундучекъ ле-
жить теперь?—спросила она.

Васька скривилъ отъ слезъ лицо
и на этотъ разъ уже чистосер-
дечно отвѣтилъ:

— Мы спрятали его въ сараѣ
подъ телѣгой...

Матушка зажгла фонарь и всѣ
мы побѣжали въ сарай. Васька и
Анютка шли впереди и показы-
вали дорогу. Нагнувшись и освѣ-
тивъ уголь, мы дѣйствительно
увидѣли тамъ завѣтный желѣз-
ный сундучокъ. Онъ весь заржа-
вѣлъ снаружи и отъ него тяну-
лась по полу длинная цѣпочка,
которой онъ былъ перевязанъ. Я
взяла этотъ сундучокъ и мы пе-
ренесли его въ избу. Затѣмъ, при-
двинувъ поближе лучину, мы от-
крыли его и стали осматривать
все, что онъ въ себѣ содержалъ.
Кромѣ брилліантовъ, которые мы
сняли съ Васьки и Анютки, все
въ немъ оказалось въ цѣлости и

только къ крышкѣ была приклеена
изнутри чернымъ хлѣбомъ за-
писка:

„Баринъ, ваше высокоблагоро-
діе, я служилъ вамъ вѣрой и прав-
дой и вотъ отбилъ отъ француза
для васъ этотъ сундучокъ. Кажет-
ся, это вашъ. Остаюсь вашъ вѣрный
слуга Григорій Власьевъ“.

Мы прочитали эту записку и
еще долго смотрѣли на драгоцѣн-
ности и молчали. Мнѣ казалось,
что вмѣстѣ съ нами была тутъ и
тѣнь моего дѣдушки Власьича, ко-
торый умеръ въ нищетѣ, и ко-
торый, казалось, говорилъ:

— „Я былъ преданъ и вѣренъ
и свято исполнилъ свой долгъ“.

А Васька и Анютка, довольные
тѣмъ, что имъ такъ мало доста-
лось за ихъ продѣлку, выбѣжали
на дворъ и еще долго до насъ
доносились ихъ веселые, радост-
ные голоса.

К. Тр.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

За горы солнышко садится,
Прохладенъ вечеръ и румянъ;
Сосны верхушка золотится,
Встаетъ надъ озеромъ туманъ...

Стада, покинувъ лугъ привольный
Домой съ мычаніемъ бредутъ...
Вотъ звонъ раздался колокольный:
Крестясь, пошелъ изъ церкви
люди...

Чу! Соловья раздалились трели,
Изъ рощи пѣсня полилась...
Лучи заката догорѣли
И въ небѣ звѣздочка зажглась...

А. Н.

НИТКА ЖЕМЧУГА.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Исторія, рассказанная Анной Павловной, окончательно сблизила Борю съ мачехой. Она стала казаться ему героиней, а ея искренняя откровенность соединила ихъ души. Теперь ужъ онъ относился къ ней совершенно, какъ къ родной матери, а она старалась видѣть въ немъ не столько пасынка, сколько друга, и разговаривала съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Это ему льстило и онъ не злоупотреблялъ ея довѣріемъ и старался держать себя съ нею такъ, чтобы заслужить еще большаго ея расположенія. Давно уже привыкшій къ одиночеству, но еще не отучившійся мечтать объ усадьбѣ съ ея дорогими для него обитателями, онъ цѣнилъ эту дружбу и она наполняла всю его жизнь въ домѣ отца. Ивана Филиппыча онъ не любилъ по прежнему, хотя и исполнялъ все, что тотъ ему приказывалъ, отца цѣлыми днями не было дома, и Анна Павловна составляла теперь для него все то, чѣмъ жила его душа. Онъ мечталъ о Рождествѣ, когда будетъ у нихъ елка и когда изъ усадьбы пріѣдутъ Кися и Фрося, и это наполняло ему жизнь. Каждый день онъ снималъ со стѣны отрывной кален-

дарикъ и съ удовольствіемъ отрывалъ отъ него листокъ.

— „Теперь ужъ до Киси и Фроси осталось всего только 52 дня“ — высчитывалъ онъ.— „Завтра я проснусь, а ихъ будетъ уже всего только пятьдесятъ-одинъ!“

Это высчитываніе занимало его и время казалось для него не такимъ длиннымъ, какъ было вначалѣ. Самая елка какъ-то блѣднѣла въ его глазахъ, отходила на задній планъ и всякій разъ при воспоминаніи о ней онъ думалъ о Кисѣ и Фросѣ и высчитывалъ время не до елки, а до того дня, когда онѣ пріѣдутъ. И все время онъ думалъ о пожарѣ парохода, о гибели Маруси и всякій разъ по какому-то странному совпаденію мыслей, ему на умъ приходила Фрося, которая была такъ-же одинока, какъ и Анна Павловна, и все поджидала, когда изъ-за далекаго лѣса къ ней придетъ ея родная мать.

— А ты знаешь, мама,—какъ-то обратился онъ къ мачехѣ, когда она сидѣла задумавшись и смотрѣла, не мигая, въ темное окно.— Наша Фрося тоже подкидышъ!..

— Почему ты говоришь „тоже“? —спросила его Анна Павловна.

— Не знаю...— смутился онъ.— Ты потеряла свою Марусю и не знаешь, гдѣ она, а она... наша Фрося, все думаетъ о своей мамѣ и тоже не знаетъ, гдѣ она...

Анна Павловна посмотрѣла на него серьезными глазами.

— Ты говоришь, что она знаетъ, что она подкидывшъ?—спросила она.—Кто-же ей это сказалъ?

— Не знаю,—чистосердечно отвѣтилъ Боря.—Она сама мнѣ это сказала...

— И она ждетъ, что къ ней явится ея мать?

— Она все время думаетъ объ этомъ.

— Бѣдняжка!

Анна Павловна глубоко вздохнула и нѣсколько разъ прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Расскажи мнѣ ея исторію!—вдругъ обратилась она къ нему.

Онъ, какъ умѣлъ и насколько зналъ, рассказалъ мачехѣ исторію Фроси. Она выслушала его внимательно и очень заинтересовалась Фросей. Какъ одиночество сблизило ее съ Борей, такъ сравнительная общность горя сразу же открыла ея душу для Фроси и ей вдругъ безумно, неудержимо захотѣлось повидать эту сироту, которая знаетъ свою тайну и также, какъ и она сама, томится ожиданіемъ когда-нибудь встрѣтить дорогого человѣка.

— Ты обязательно пригласи ее къ намъ на елку!—сказала Анна

Павловна.—Напиши бабушкѣ, чтобы она ее отпустила.

— Хорошо,—отвѣтилъ Боря.—Ее и Кисю!

— Да, ее и Кисю!—подтвердила Анна Павловна.

Наступила зима. Выпалъ глубокий снѣгъ и Боря уже не разъ катался на санкахъ по двору. Ему сшили шубку на бѣlichemъ мѣху и шапку съ ушами и онъ, выросшій и краснощекій, смѣло ходилъ по морозу и всякій разъ вносилъ съ собою въ домъ цѣлую волну холода и оставлялъ въ прихожей снѣговые слѣды. Ему писали изъ усадьбы. Фрося и Кися описывали ему ледяную гору, катокъ, всю свою незамысловатую деревенскую жизнь и мечтали о томъ, какъ онъ приѣдетъ къ нимъ на Рождество и какъ они вмѣстѣ будутъ играть. Бабушка что-то часто стала хворать. По цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ комнаты. У Наталіи Ивановны выпалъ передній зубъ и она теперь смѣшно говоритъ. Волчаръ подрался съ Полканомъ и откусилъ ему ухо. Степанъ поскользнулся пьяный у проруби и упалъ въ нее. Когда его вытащили оттуда, то онъ громко зацѣлъ: „Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо, только видѣть тебя, милый мой!“ Снѣгу навалило на цѣлые два аршина и зайцы подбѣгаютъ къ самымъ окнамъ дѣтской и становятся на задніи лапки и т. д. и т. д.. Боря читалъ все это съ захватывающимъ ин-

Когда люди и звѣри были еще друзьями.

Средневековый замокъ въ Германіи.

тересомъ, съ замираніемъ сердца и хотѣль-бы летѣть сейчасъ-же, сію-же минуту къ бабушкѣ въ усадьбу, но до Рождества оставалось еще около двухъ недѣль и на календарѣ все еще висѣли эти противные длинные дни, которыхъ нельзя еще было сорвать такъ, чтобы сразу было Рождество. И въ мечтахъ о свиданіи съ Кисей и Фросей, онъ одинъ разъ подошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, обнялъ ее за шею и тихо, виновато сказалъ:

— Мамуленька, отпусти меня на Рождество домой!

Ее тронулъ его тонъ, она погладила его по головѣ и отвѣтила:

— Если папа ничего не будетъ имѣть противъ, то отчего-же?.. Поѣдемъ вмѣстѣ! Я давно ужъ собираюсь навѣстить твою бабушку... Пора!

Боря былъ внѣ себя отъ радости. Все повалилось у него изъ рукъ. Онъ уже не могъ такъ заниматься, какъ занимался до сихъ поръ, сталъ отвѣчать невпопадъ, все въ головѣ у него перепуталось и онъ жилъ только однимъ,— это предстоящимъ свиданіемъ съ тѣми, кого любилъ. Иванъ Филиппычъ каждый день оставался имъ недоволенъ, жаловался на него отцу и Борю не разъ вызывали въ кабинетъ и дѣлали ему выговоръ. Но это не помогало. Дѣло еще больше стало валиться у Бори

изъ рукъ и кончилось тѣмъ, что дней за пять до отъѣзда онъ что-то такое наплелъ своему учителю, что даже такой человекъ, какъ Иванъ Филиппычъ, не могъ ужъ сдержатъ себя, и тутъ-же, прямо изъ-за урока, всталъ изъ-за стола и отправился къ Николаю Сергѣевичу въ кабинетъ.

Борю вызвали къ отцу.

— Ты что-же это, Борисъ? — строго спросилъ его Николай Сергѣичъ. — Долго еще ты будешь выводить изъ терпѣнія меня и своего учителя?

Борѣ давно уже надоѣли всѣ эти придирки Ивана Филиппыча и тяжело было отъ выговоровъ отца и онъ искренно и откровенно отвѣтилъ:

— Папочка, мнѣ ужасно хочется къ бабушкѣ и къ Кисѣ!.. Отпусти меня къ нимъ скорѣй!

Николай Сергѣичъ посмотрѣлъ на учителя и что-то прочелъ по его лицу.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ. — Ты этого не заслужилъ! Для того, что-бы получить разрѣшеніе на поѣздку къ бабушкѣ, ты долженъ былъ-бы лучше учиться!

Боря не вѣрилъ своимъ ушамъ. Слезы подступили ему къ горлу, онъ хотѣлъ просить, умолять, но взглянувъ нечаянно на лицо Ивана Филиппыча, увидалъ его торжествующую улыбку и не могъ ничего говорить. Постоявъ немного у

двери, онъ повернулся и молча вышелъ изъ кабинета.

— Вы видите какой у него строптивый характеръ?— обратился Иванъ Филиппычъ къ Николаю Сергѣевичу.— У этого мальчика совершенно нѣтъ сердца и онъ не умѣетъ понимать хорошаго обращенія!.. Я въ первый разъ за всю свою педагогическую дѣятельность наталкиваюсь на ребенка съ такой грубой, не чуткой душой!!

Николай Сергѣевичъ глубоко вздохнулъ.

— Что-же дѣлать?— отвѣтилъ онъ.— Поздно спохватились! Давно бы уже нужно было взять его отъ его бабушки, которая испортила его въ конецъ, да все какъ-то не приходилось...

И они долго еще разговаривали о томъ, какія мѣры нужно будетъ принять къ укрощенію Бори и къ тому, чтобы заставить его лучше учить уроки и относиться внимательнѣе къ требованіямъ учителя.

Итакъ, Боря не поѣдетъ къ бабушкѣ на Рождество. Онъ наказанъ. За его строптивый нравъ его лишили того, что составляло предметъ его нѣжныхъ мечтаній. Его календарикъ обманулъ его; осталось всего только четыре листочка до сочельника, но онъ ихъ уже не отрывалъ и они такъ и остались висѣть до будущаго года. Стоитъ-ли теперь слѣдить за вре-

менемъ? Стоитъ-ли каждый день смотрѣть на календарь и высчитывать по пальцамъ дни? Боря ходилъ по комнатамъ, какъ тѣнь, глядѣлъ безучастно въ окна или по долгу просиживалъ на одномъ мѣстѣ и молчалъ. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, ничего не соображалъ и предстоящіе праздники потеряли для него всякій интересъ.

За то Анна Павловна была полна жизни и ожиданій. Узнавъ, что Борю не отпустили къ бабушкѣ, она долго упрашивала за него Николая Сергѣевича, но получивъ отказъ, тотчасъ-же написала къ бабушкѣ письмо съ просьбой прислать къ нему Кисю и Фросю и горячо извинялась передъ ней, что не могла пріѣхать къ ней за ними сама. Она писала ей, какъ глубоко привязалась къ Борѣ, какъ полюбила его отъ всей души, и ласково благодарила ее за то, что она воспитала въ немъ такого превосходнаго мальчика съ такой нѣжной, отзывчивой душой и съ такимъ ясно выраженнымъ сознаніемъ долга и чести, какое рѣдко встрѣчается даже у взрослыхъ людей. Теперь, по сложившимся обстоятельствамъ, писала она, — Боря не можетъ пріѣхать въ усадьбу на Рождество. Поэтому она убѣдительно проситъ бабушку отпустить къ ней на всѣ праздники Кисю и Фросю, о которыхъ она столько наслы-

шана хорошаго отъ Бори и для которыхъ постарается сдѣлать все, чтобы только онѣ не скучали. Будетъ устроена елка. Дѣти получатъ подарки. Но, конечно, самымъ лучшимъ подаркомъ будетъ для нихъ то, что они встрѣтятся снова, и послѣ долгой разлуки проведутъ время вмѣстѣ.

Это письмо Анны Павловны произвело въ усадьбѣ цѣлый переполохъ. Бабушка, истомившаяся душой по Борѣ и тоже считавшая дни, когда его увидитъ, пала духомъ, нѣсколько разъ плакала, стала бояться, какъ-бы не умереть, такъ и не повидавшись съ нимъ а дѣвочки, наоборотъ, радовались и ликовали и, какъ безумныя, носились по комнатамъ и вслухъ мечтали о томъ, какъ онѣ поѣдутъ въ городъ и встрѣтятся съ Борей.

— Что-жъ дѣлать?— сказала наконецъ бабушка.—Елка-то вѣдь не за горами! Надо собирать ихъ въ путь!

И начались сборы. До сочельника оставалось всего только три дня и бабушкѣ было неловко, что она пошлетъ дѣвочекъ въ городъ въ несвѣжихъ платьяхъ, въ которыхъ къ тому-же были уже выпущены рубцы, но дѣлать было нечего: въ такой короткій срокъ нельзя было сшить новыхъ платьевъ и приходилось довольствоваться тѣмъ, что было. Передъ самымъ отъѣздомъ Настасья Ивановна вытащила откуда-то изъ

самыхъ таинственныхъ нѣдръ своего сундука, старомодный атласный салопъ, отъ котораго еще сильнѣе, чѣмъ отъ осенняго пальто, пахло перцемъ, нафталиномъ и табакомъ, и всѣ стали собираться въ дорогу. У крыльца уже стояли ковровыя сани, запряженные парой лошадей гуськомъ, и дѣвочки отъ волненія такъ суетились передъ отъѣздомъ, что ихъ положительно нельзя было какъ слѣдуетъ одѣть.

— Да не вертись хоть ты!— крикнула бабушка на Фросю.— Вѣдь отморозишь носъ и будешь на елкѣ ходить съ дулей вмѣсто носа! Дай, Христа ради, хоть тебя-то одѣть! И что это за дѣти, прости Господи!

А онѣ звонко смѣялись и все казалось имъ пустяками и даже двадцатиградусный морозъ, стоявшій ужъ нѣсколько дней, не смутилъ ихъ и казался имъ интереснымъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ бабушка отозвала Настасью Ивановну въ сторонку и сунула ей въ руки какой-то странный футляръ.

— Здѣсь нитка жемчуга, Настасья!—обратилась она къ ней.— Помнишь, того? Передъ елкой, когда всѣ соберутся, ты надѣнь Кисѣ ее на шею... Все таки понаряднѣе будетъ!.. Да смотри, не потеряй! Теперь такого уже не купишь!

Няня закивала ей въ знакъ со-

гласія головой, бережно спрятала ожерелье къ себѣ въ сумочку, всѣ простились съ бабушкой, усѣлись въ сани, укрылись мѣхами и тронулись въ дорогу.

— Счастливаго пути!

Еремѣй щелкнулъ длинным кнутомъ, передняя пристяжная подобрала подь себя голову, кореникъ встряхнулъ косматой гривой, сани заскрипѣли по морозному снѣгу и бабушка во всемъ домѣ осталась одна.

Дѣвочки укатили съ няней въ городъ.

Есть-ли способъ выраженія, найдется-ли во всемъ свѣтѣ такой писатель, который смогъ-бы изобразить на бумагѣ, этими простыми чернилами и перомъ, всю ту радость, весь тотъ восторгъ Бори, когда двери вдругъ растворились и веселыя, розовыя, хохоча и перебивая другъ дружку, въ прихожую вбѣжали вдругъ Кися и Фрося и внесли съ собою снадворья струю холодка? Увидѣвъ ихъ и Настасью Ивановну, Боря вдругъ остолбенѣлъ, потомъ взвизгнулъ, потомъ почему-то бросился за Анной Павловной, а потомъ уже выбѣжалъ къ нимъ навстрѣчу и самъ не понималъ того, что онъ дѣлалъ и какъ себя велъ.

— Идите сюда всѣ!—закричалъ онъ не своимъ голосомъ отъ радости.—Папа, мама! Идите-же сюда скорѣе! Онѣ пріѣхали! Онѣ пріѣхали! Что-же вы всѣ тамъ сидите?

И не помня себя, съ бьющимся сердцемъ, задыхаясь отъ радости, и боясь, какъ-бы не сдѣлать какую-нибудь глупость или не упасть онъ схватился за сердце и прислонился-было къ стѣнѣ. Но затѣмъ онъ овладѣлъ собой, бодро выбѣжалъ въ прихожую, схватилъ Кисю и Фросю за руки и потащилъ ихъ за собою въ гостинную. Онѣ смотрѣли на него восторженными глазами и онъ почему-то показался имъ совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ полгода тому назадъ, какимъ-то высокимъ и тонкимъ, а онъ глядѣлъ на ихъ розовыя щеки и обѣ дѣвочки казались ему какъ-то не въ мѣру потолстѣвшими и выросшими изъ своихъ платьевъ. Было много кой-чего, о чемъ имъ нужно было Борѣ рассказать, но все какъ-то сразу вылетѣло у нихъ изъ головы и онѣ стояли, смотрѣли на Борю и не знали, съ чего начать. Но потомъ все обошлось само собою, всѣ трое взялись за руки, отправились въ комнату къ Борѣ, заперлись и начались шумныя, счастливыя разговоры. Всѣ трое трещали, какъ воробьи, говорили всѣ разомъ и со стороны казалось страннымъ, какъ это они могли другъ друга понимать, спрашивать и отвѣчать на вопросы. Это было какое-то веселое птичье щебетанье, когда лучъ ласкового солнца послѣ долгаго ненастья освѣтитъ вдругъ всю природу, оживить ее своимъ тепломъ и

одухотворить ее радостной надеждой.

И когда они сидѣли такъ запершись и звонко смѣялись и щебетали, къ двери вдругъ подошелъ Иванъ Филиппычъ, остановился около нея, прислушался и нѣсколько разъ громко ударилъ въ нее согнутымъ пальцамъ.

— Я попросилъ-бы васъ потише!.. сказалъ онъ.— Не надо забывать, что кромѣ васъ въ домѣ живутъ еще и другіе!.. Не надо быть эгоистами и стѣснять другихъ!

Дѣти сразу-же смолкли и продолжали свою бесѣду уже шопотомъ и только иногда, когда они не могли уже справиться съ собой и прорывались, слышались ихъ громкія фырканыя, или залиvistый счастливый смѣхъ.

Приѣхала Анна Павловна съ покупками и очень обрадовалась, когда застала у себя гостей. Она вбѣжала къ дѣтямъ, начались объятія и поцѣлуи и не прошло и десяти минутъ, какъ обѣ дѣвочки уже висли на ней такъ, точно были съ нею знакомы уже нѣсколько лѣтъ.

— Ну, а теперь давайте приготавливать украшенія на елку! обратилась къ нимъ Анна Павловна и развернула передъ ними массу роскошныхъ, дорогихъ картонажей.

Это были счастливые два дня. Дѣти золотили орѣхи, обертывали пряники и мармеладъ въ золотую бумагу, дѣлали сумочки и мѣшеч-

ки, вставляли въ подсвѣчники свѣчи и готовились къ тому торжественному моменту, когда въ комнату внесутъ елку и позволятъ имъ самимъ ее убирать. Анна Павловна все время была вмѣстѣ съ ними, принимала дѣятельное участіе въ ихъ работахъ и многозначительно, хотя и дѣлая вѣдь, что это нечаянно, показывала дѣтямъ большія коробки, въ которыхъ, вѣроятно, хранились для нихъ подарки. И дѣти приходили заранѣе въ восторгъ и таинственно перешептывались между собою:—

— Что-то подарятъ мнѣ? Или:— Должно быть, въ этой коробкѣ большая кукла!

Аннѣ Павловнѣ ужасно понравились обѣ дѣвочки. Она полюбила ихъ съ перваго-же взгляда за ихъ искренность и простоту, открыла для нихъ свое сердце и, казалось, съ первой-же минуты между нею и ими установились такія отношенія, которыя остаются уже на всю жизнь и разъ навсегда опредѣляютъ дальнѣйшее ея направленіе. Ей нравились онѣ обѣ, но Фрося болѣе привлекала къ себѣ ея вниманіе своимъ сиротствомъ и вызывала въ ней къ себѣ еще жалость. Было что-то общее въ ихъ судьбѣ. Какая-то странная, неуловимая связь съ первыхъ же шаговъ Фроси въ этомъ домѣ, установилась между нею и Анной Павловной. При взглядѣ на Фросю Анна Павловна всякій разъ вспоминала о

своей дочери Марусѣ, а Фрося— о своей неизвѣстной матери, и обѣ онѣ смотрѣли иногда подолгу одна на другую и каждая изъ нихъ думала о чемъ-то своемъ, затаенномъ въ глубинѣ души, но больномъ и дорогомъ.

Улучивъ минуту, когда Боря и Кися были въ кабинетѣ и разговаривали съ Николаемъ Сергѣевичемъ, она подозвала къ себѣ Фросю, посадила ее къ себѣ на колѣни и заглянула ей въ самые глаза.

— Правда, говорятъ, что ты подкидышь? задала она ей вопросъ.

Фрося вспыхнула, оглядѣлась кругомъ и опустила глаза.

— Да... отвѣтила она. — Меня подкинули, когда я еще была маленькая, къ повару Никитѣ.

— И ты думаешь когда-нибудь о своей матери?

Дѣвочка подняла голову, глаза ея засвѣтились и она отвѣтила съ восторгомъ:—

— Да, я вспоминаю о ней каждый день! Когда я ложусь спать, то я молюсь за нее Богу каждый вечеръ...

— И ты думаешь, что она къ тебѣ придетъ?

— О, да!.. Боженька сдѣлаетъ такъ, что я ее когда-нибудь найду!

Анна Павловна покачала головой и глубоко вздохнула.

— А какую ты ее себѣ представляешь? спросила она.—Какая она въ твоёмъ воображеніи изъ себя?

Фрося вздрогнула, подумала съ

минуту, а затѣмъ съ пыломъ наибольшей дѣтской души, которая давно уже ожидала этого разговора, бросилась къ Аннѣ Павловнѣ на шею и крѣпко прижалась къ ея груди всѣмъ своимъ маленькомъ существомъ.

— Я желала-бы, отвѣтила она, чтобы моя мама была такая-же, какъ и вы!

Этотъ порывъ наполнилъ душу Анны Павловны восторгомъ, она почувствовала теплоту Фроси у своей груди, чувство матери проснулось въ ней съ небывалой еще доселѣ силой и она въ свою очередь нѣжно обняла Фросю и поцѣловала ее въ губы и въ глаза.

— А я, въ свою очередь сказала она,—желала-бы, чтобы моя пропавшая дочь была такая-же, какъ и ты!

Фрося вздрогнула во второй разъ и насторожилась.. Пропавшая дочь!.. О чемъ говорить эта женщина, которая такъ горячо приласкала ее, всѣмъ чужую дѣвочку, и которая такъ была съ ней сейчасъ откровенна? О какой еще дѣвочкѣ она говоритъ? И когда эта дѣвочка пропала?

И она хотѣла засыпать ее этими вопросами, но въ эту минуту въ комнату снова вбѣжали Кися и Боря. Анна Павловна спустила ее съ колѣнъ, поднялась и пошла къ нимъ на встрѣчу.

Наступилъ сочельникъ. Елка уже стояла, всѣмъ готовая и луче-

зарная, среди залы. У пианино уже сидѣлъ въ черномъ сюртукѣ слѣпой музыкантъ, котораго пригласили изъ пріюта. Онъ отлично, не смотря на то, что не видѣлъ ничего, игралъ модные танцы. Было

у себя въ комнатѣ, суетились и прихорашивались. Ихъ смущали ихъ старомодныя платья и онѣ то и дѣло вертѣлись передъ зеркаломъ и почему-то замѣчали въ нихъ одни только недостатки.

Жилище на островѣ Явѣ.

приглашено еще нѣсколько дѣтей, которыя всѣ были незнакомы и должны были явиться въ домъ въ первый разъ. Боря, успѣвшій одѣться спозаранку, ходилъ по комнатамъ и изнывалъ отъ нетерпѣнія. Кися и Фрося одѣвались

— Ну, что это за платье? говорила Кися и надувала губки.— Что это за костюмъ?

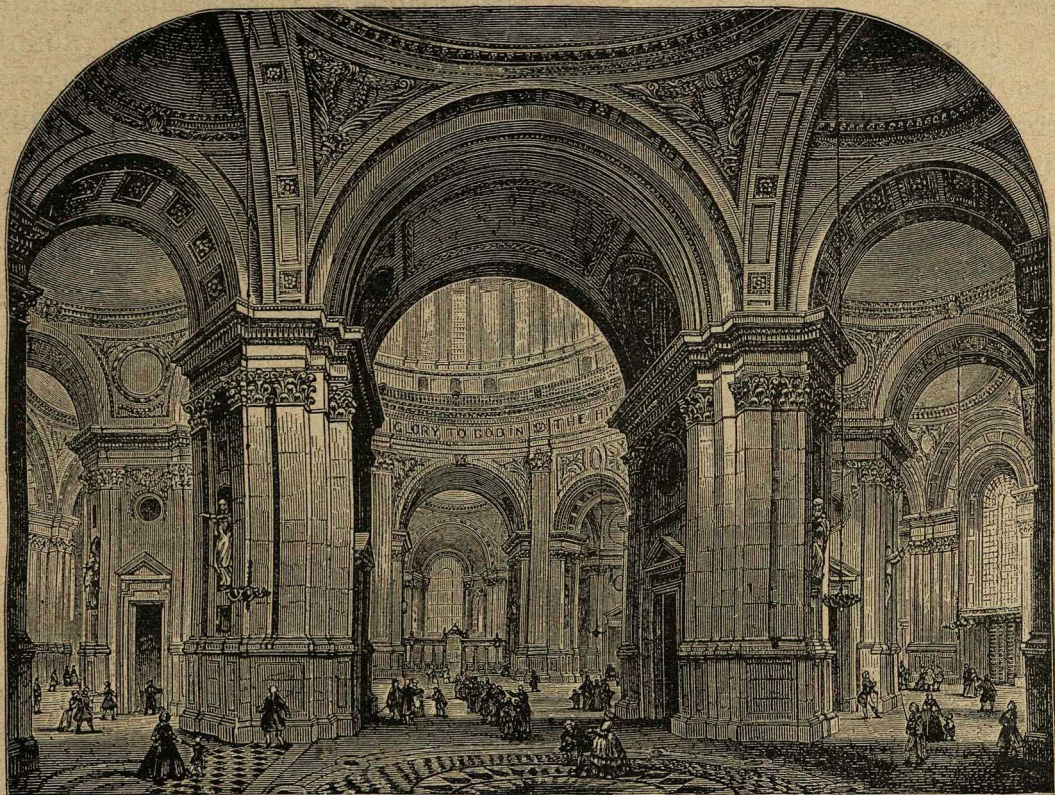
Въ довершеніе бѣды, какъ разъ уже тогда, когда стали сѣзжаться гости, оказалось, что второпяхъ позабыли захватить съ собою Фро-

синъ кружевной воротникъ. Обѣихъ дѣвочекъ всегда одѣвали одинаково и теперь Кися должна была выйти къ елкѣ въ воротникѣ, а Фрося—съ голой шеей.

— И что это за исторія такая вышла, прости Господи? вздох-

воротникъ? предложила она. — Возьми его!

Но Фрося отказалась наотрѣзъ. Передъ самымъ выходомъ къ гостямъ Настасья Ивановна искала что-то въ сумкѣ, вынула затѣмъ изъ нея футляръ, достала изъ

Соборъ св. Павла въ Лондонѣ, въ Англии.

нула Настасья Ивановна.—И какъ это я позабыла объ этомъ несчастномъ воротникѣ?

Но дѣлать теперь было нечего и некогда и Кися не могла не замѣтить, что на глазахъ у Фроси заблестѣли двѣ крупныя слезы.

— Хочешь, я тебѣ отдамъ мой

него нитку жемчуга и подошла съ нею къ Кисѣ.

— Дай-ка я тебѣ это надѣну!.. сказала она.—Будешь понаряднѣй!

И она надѣла ей на шею жемчужное ожерелье, долго любовалась на нее и затѣмъ, довольная, вышла изъ дѣтской.

Кися посмотрѣла на себя въ зеркало и на лицо ея набѣжало облачко печали. На ней были и кружевной воротничекъ, и это жемчужное ожерелье, тогда какъ около нея стояла бѣдная Фрося и грустными глазами осматривала свое прошлогоднее, выпущенное платье.

— Знаешь что? вдругъ обратилась къ ней Кися и глаза ея засвѣтились восторгомъ. — Возьми себѣ эту нитку бусъ. У меня будетъ кружевной воротничекъ, а у

тебя на шеѣ эти бусы! Это будетъ такъ интересно!

И снявши съ себя жемчужное ожерелье, она быстро надѣла его Фросѣ на шею и потащила ее изъ дѣтской.

Въ залѣ уже слышалась музыка на пианино, а въ прихожей уже раздавались голоса пріѣхавшихъ гостей. Анна Павловна ходила около елки, раскладывала подарки и была довольна не менѣе самихъ дѣтей.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИРЕНЬ.

Какъ разъ въ самый день рожденія Вѣрочки, въ ясное, свѣжее мартовское утро ея отецъ посадилъ кустъ сирени.

— Пусть это будетъ ей на счастье! сказалъ онъ.

Тогда она была еще маленькимъ, ничего не сознававшимъ ребенкомъ и самая сирень представляла изъ себя всего только два или три слабенькихъ прутика. Но прошло затѣмъ восемь лѣтъ и изъ Вѣрочки выросла здоровая, розовенькая дѣвочка съ пышными свѣтлыми волосами, а изъ слабенькихъ прутиковъ получился роскошный кустъ сирени съ темной, сочной листвою и душистыми крупными гроздьями цвѣтовъ. Всѣ эти восемь лѣтъ, едва только позволяла погода, Вѣрочку

подводили къ этому кусту сирени и говорили:—

— Это, Вѣрочка, твоя сирень! Ее посадилъ для тебя твой отецъ!

И всякій разъ, какъ она смотрѣла на сирень, она вспоминала о своемъ давно уже умершемъ отцѣ. Затѣмъ, когда она стала уже сознавать, она часто подходила къ ней, жадно нюхала ея цвѣты и ей казалось почему-то, что такъ пахнетъ душа ея отца и что этотъ безмолвный кустъ чувствуетъ и понимаетъ все такъ-же, какъ и человекъ. Она полюбила его, какъ друга, ласкала его, разговаривала съ нимъ и повѣряла ему свои дѣтскія радости и горе. Она знала каждый его листокъ, каждый сушечекъ и все въ немъ и вокругъ

него казалось ей милымъ и дорогимъ и полнымъ нѣжной памяти объ отцѣ.

Она не помнила своего отца. Онъ умеръ, когда ей было всего только два года. Ей говорили, что онъ любилъ ее, носилъ ее когда-то на рукахъ, и ей казалось, что сирень помнила его, знала его въ лицо и если-бы могла говорить, то сказала-бы ей о немъ лучше, чѣмъ всѣ другіе.

— Вѣдь мы съ тобой сверстницы! часто обращалась она къ ней. — Мы съ тобой все равно, что двѣ сестры. И ты, и я родились въ одинъ день! Ты помнишь моего папу?

Кустъ сирени находился на срединѣ лужайки съ бархатной густой травой. Всю эту лужайку предоставили Вѣрочкѣ для игръ и она сама насадила на ней различныхъ цвѣтовъ: лилій, гіацинтовъ и розъ. Когда отцвѣтали одни цвѣты, то зацвѣтали другіе, и этотъ уголокъ парка казался маленькой, нѣжной сказкой о доброй феѣ и ея цвѣтахъ. Ближе къ осени распускались горделивые георгины и пышныя хризантемы, но самымъ интереснымъ временемъ была, конечно, весна, когда расцвѣтала сама сирень. Ея цвѣты приводили Вѣрочку въ восторгъ, а ихъ запахъ тонкой струйкой вливался ей въ самое сердце и цѣлые дни она бродила вокругъ куста, поправляла на немъ листочки, точно на невѣстѣ вуаль, переносила къ нему всѣ свои игрушки и книги, играла въ нихъ и читала сказки и ей казалось, что ея сверстница сирень принимала участіе въ играхъ или слушала то, что она ей читала. Она возвращалась домой

только для того, чтобы поѣсть или попить.

— Это не хорошо, Вѣрочка, какъ-то обратилась къ ней ея гувернантка. — Вѣдь сирень — не человѣкъ! Ты разговариваешь съ ней, какъ съ живою! Нельзя-же имѣть такія фантазіи!

Но дѣвочка не слушала ея.

— Вѣдь это моя сирень? отвѣчала она. — Вѣдь ее папа посадилъ для меня? Почему-же я не могу съ ней играть?

— А ты лучше наломай съ нея цвѣтовъ и поставь у себя въ дѣтской букетъ. Вотъ и будетъ хорошо!

— Наломать съ сирени цвѣтовъ! удивилась Вѣрочка. — Да развѣ это можно, мадмуазель!

— Почему-же нѣтъ?

Вѣрочка не нашла словъ, чтобы ей возразить. Вѣдь сирень была ея сверстницей, выросла вмѣстѣ съ ней, и если росла, то, значитъ, все время была живая!.. Сирень расцвѣла, издавала такой запахъ, какого не могъ-бы изобрѣсти ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, и неужели-же гувернантка серьезно говорить о томъ, что ее можно ломать, причинять ей больно, заставляя ее страдать!.. Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ она не позволитъ ни себѣ, ни другимъ обижать ея сирень!

По сосѣдству съ паркомъ находился домикъ. Въ немъ жила дѣвочка лѣтъ девяти—Маруся. Это была простая деревенская дѣвочка, ходившая босякомъ, распѣвавшая во весь голосъ пѣсни и не задумывавшаяся много отомъ, больно ли жуку, когда у него оторвешь лапку, и чувствуетъ ли трава, когда ее подкашиваетъ коса. Иногда, въ минуты досуга, она прибѣгала къ Вѣрочкѣ въ паркъ играть и всякій

разъ поднимала ее на смѣхъ, видя ея нѣжную привязанность къ цвѣтамъ.

— Не нюхай сирени! вдругъ предостерегала она ее такъ быстро и такъ громко, что Вѣрочка вздрагивала. — Она укуситъ тебя за носъ!

— Какія глупости ты говоришь... обижалась Вѣрочка.

— Какъ глупости? возражала Маруся. — Вѣдь сирень живая!

Однажды Маруся подошла къ кусту сирени и сорвала съ нея цвѣтокъ.

— Что ты дѣлаешь?! воскликнула Вѣрочка. — Зачѣмъ ты рвешь? У тебя нѣтъ сердца!

— Хочу услышать, какъ она заплачетъ... засмѣялась Маруся.

Вѣрочка выхватила у нея изъ руки цвѣтокъ, убѣжала къ себѣ въ дѣтскую и долго плакала. Успокоившись, она вышла потомъ на лужайку и нѣжно цѣловала сирень въ цвѣты. Съ этого дня она окончательно разошлась съ Марусей, не залюбила ее и всякій разъ старалась ее избѣгать.

— Я не люблю ее, шептала она. — Она злая! Она нехорошая дѣвочка! Она не любитъ моихъ цвѣтовъ!

И Маруся перестала у нея бывать. Иногда онѣ встрѣчались. Маруся смотрѣла на нее веселыми, ласковыми глазами, какъ-бы желая этимъ доказать, что она по прежнему къ ней расположена, но Вѣрочка всякій разъ отворачивалась отъ нея и давала ей понять, что не нуждается въ ея дружбѣ. Такъ прошли лѣто, осень и наступила наконецъ зима. Пронесся слухъ, что Маруся цѣлый день стирала и полоскала въ проруби на всю свою семью бѣлье и забо-

лѣла плевритомъ. Вѣроятно, ее продуло вѣтромъ и вотъ она лежала теперь уже второй мѣсяцъ въ жару; накопившаяся въ боку жидкость стѣсняла ей легкія и мѣшала дышать и каждую ночь она бредила и металась. Затѣмъ лихорадка миновала, Маруся стала спать спокойнѣе, почувствовала себя легче, но тяжкій недугъ все-таки держалъ ее въ постели, она худѣла не по днямъ, а по часамъ, и вмѣсто когда-то добраго, веселаго, остроумнаго ребенка, теперь грустно смотрѣлъ большими глазами одинъ только маленькій скелетъ, обтянутый блѣдной кожей. Такъ она лежала до весны. Но и весна не принесла ей пользы, не оживила ее свѣтлыми, воскрешающими лучами. Ей стало хуже.

— Эта бѣдняжка, вѣроятно, уже никогда не встанетъ съ постели! сказала какъ-то посѣтившая ее гувернантка Вѣрочки. — На нее прямо-таки жалко смотрѣть.

А тѣмъ временемъ весна все развертывалась и развивалась, заплѣли птицы, зашумѣли грачи, зазеленѣли дуга и вмѣстѣ съ первой бурно-пронесшейся грозой закричали и лягушки. Распустились ирисы, тюльпаны и гіацинты, а послѣ нихъ пышно расцвѣла и Вѣрочкина сирень. Такого роскошнаго цвѣтенія у нея не было еще никогда и Вѣрочка ходила сама не своя, нюхала ея цвѣты и вдыхала въ себя ихъ аромать.

Однажды въ апрѣльское утро, когда Вѣрочка спускалась въ паркъ ей на встрѣчу попала вся заплаканная ея гувернантка. Она несла въ рукѣ большой букетъ изъ гіацинтовъ, ирисовъ и лилій. Вѣрочка остановила ее, увидала въ

среди́нѣ его двѣ пышныя вѣтки сирени, узнала ихъ, и нахмурила брови.

— Мадмуазель, спросила, она — откуда вы взяли эту сирень?

— Я сорвала ее съ твоего куста, кротко отвѣтила гувернантка.

— Вы?.. Да какъ-же вы это могли?!

Гувернантка нагнулась надъ ней, обняла ее свободной рукой и слезы показались у нея на глазахъ.

— Маруся умираетъ... сказала она ей.—Сейчасъ она попросила въ послѣдній разъ, чтобы ей принесли цвѣтовъ. Ей захотѣлось ихъ понюхать и поглядѣть на нихъ.. Бѣдняжка!.. Она такъ любила ихъ!.. Ты-бы навѣстила ее и поговорила съ ней о чемъ-нибудь...

Вѣрочка отвернулась.

— Она вовсе не любила цвѣтовъ! рѣзко отвѣтила она.—Маруся всегда ломала ихъ и причиняла имъ боль!

— Но она сама больна!..

— Это за то, что она дѣлала боль цвѣтамъ!

Гувернантка вспыхнула.

— Нѣтъ за то, что она работала для людей! уже съ негодованіемъ крикнула она на Вѣрочку.—Ты думаешь, что ты будешь счастлива, если будешь дрожать надъ своей сиренью и въ то-же время не будешь любить людей? Ты думаешь, что ты сама лучше, чѣмъ эта несчастная Маруся, которая въ холодъ и стужу мыла бѣлье на всю свою семью и тяжело простудилась? Она отдала свое здоровье и, можетъ быть, отдастъ еще и свою жизнь для другихъ, а ты трясешься надъ этой своей сиренью и жадничаешь ею, какъ скупецъ. Ты все время думаешь

о сирени, а подумала-ли ты хоть разъ о томъ, кто лучше всѣхъ цвѣтовъ на свѣтѣ и лучше и разумнѣе всѣхъ тварей на землѣ? Подумала-ли ты хоть разъ о человѣкѣ, позаботилась-ли ты хоть разъ о немъ? На-же, возьми обратно твою сирень!

И она вытащила изъ букета двѣ вѣточки сирени и бросила ихъ къ ногамъ Вѣрочки. Не оборачиваясь, полная негодованія, она поднялась на ступени, вошла въ домъ, прошла черезъ него и вскорѣ затѣмъ по ту сторону рѣшетки парка мелькнуло ея бѣлое платье и скрылось за деревьями, окружавшими избушку, въ которой хворала Маруся.

Вѣрочка еще никогда не видѣла въ такомъ возбужденіи свою гувернантку. Ея заплаканное лицо, сверкавшіе негодованіемъ глаза, свѣтившіяся на нихъ слезы и эти брошенные цвѣты смутили Вѣрочку и она долго еще стояла одна и смотрѣла ей вслѣдъ. Что-то странное, новое шевельнулось въ ея душѣ и ей безумно, неудержимо захотѣлось вдругъ побѣжать вслѣдъ за гувернанткой, обнять ее и приласкать. Неужели-же она такъ плохо думаетъ о Вѣрочкѣ? Неужели она считаетъ ее злою?

И она схватилась за грудь и побѣжала вслѣдъ за гувернанткой.

— Мадмуазель! Мадмуазель! закричала она ей.—Подождите! Остановитесь!

Но гувернантка не услышала уже ея и не остановилась. Опустивъ голову и чувствуя, какъ сильно билось у нея сердце, Вѣрочка возвратилась въ паркъ. Она обидѣла свою гувернантку, которую горячо любила, ей было стыдно и теперь все вдругъ измѣни-

лось въ ея глазахъ. Чувство порядочности заговорило въ ней, ей было больно и обидно, что она заставила мадмуазель такъ рѣзко съ ней поговорить, и она шла теперь по аллеямъ парка, опустивъ голову и не смѣя оглядываться по сторонамъ.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я обидѣла мадмуазель? шептала она— Зачѣмъ я такая жадная и злая?..

Свѣтило солнце, щебетали птицы и въ высокой травѣ весело трещали насѣкомыя. Но она ихъ не замѣчала и все шла и шла, недовольная собой, и наконецъ подошла къ своему кусту сирени. Онъ стоялъ пышный, раскидистый, почти сплошь покрытый крупными гроздьями лиловыхъ душистыхъ цвѣтовъ и мохнатые пчелы жужжали въ его вѣтвяхъ.

— „...Ты все время думаешь о сирени“, все еще звучало въ ушахъ Вѣрочки голосъ ея гувернантки,— „а подумала-ли ты хоть разъ о томъ, кто лучше всѣхъ цвѣтовъ въ мѣрѣ и разумнѣе всѣхъ тварей на землѣ? Подумала-ли ты о чловѣкѣ?“...

Да, Вѣрочка еще ни разу не подумала о немъ, ей еще ни разу не приходило въ голову, что гдѣ-то, внѣ этихъ парка и дома, была еще жизнь, а вмѣстѣ съ нею борьба, и мысль, и страданія, и честный трудъ, и радости, и горе—и что передъ ними ея пышный сиреневый кустъ съ его душистою красотою были ничто.

И повинувшись вдругъ охватившему ее душевному порыву, она подскочила къ своему любимому кусту и стала жадно срывать съ него цвѣты.

— Вотъ такъ!.. говорила она.—

Вотъ такъ!.. Такъ будетъ лучше!..

Набравши громадный букетъ, который едва могъ помѣщаться въ ея рукахъ, она съ радостнымъ и облегченнымъ сердцемъ побѣжала къ Марусѣ.

— А вотъ и я! весело воскликнула она. —Здравствуй, Маруся! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! я принесла тебѣ цвѣтовъ!

На постели у стѣны сидѣла блѣдная больная. Около нея стояла заплаканная гувернантка и поддерживала ее за плечи. Ставши на одну колѣнку, докторъ выстукивалъ ее молоточкомъ и одобрительно качалъ головой.

— Хорошо, хорошо!.. говорилъ онъ. — Отлично, отлично!.. Жидкость рассасывается и наша больная скоро будетъ здорова совсѣмъ!.. Мы сдѣлаемъ ей еще одинъ проколъ, вытянемъ изъ бока жидкость и рассасываніе пойдетъ еще быстрее!..

Блѣдная, худенькая Маруся смотрѣла вокругъ себя нѣжными, добрыми, какъ и у всякой больной, глазами и было что-то необыкновенно трогательное во всей ея жалкой, беспомощной фигуркѣ. Докторъ кончилъ осмотръ и поднялся съ колѣнки.

— Я принесла тебѣ сирени!.. обратилась къ ней ласково Вѣрочка.— Видишь? Понюхай, какъ она отлично пахнетъ!

И она поднесла ей къ лицу букетъ.

Маруся, прильнула къ нему лицомъ и стала жадно вдыхать въ себя аромать.

— Сирень!.. Сирень!.. зашептала она.— Какъ я ее люблю!.. Ахъ, какъ я люблю сирень!..

Вѣрочка посмотрѣла на нее, на эту похудѣвшую, блѣдную дѣвочку и на эту пышную, душистую сирень и вдругъ въ ея душѣ случился какой-то переворотъ. Поэзія человѣческаго горя и участіе къ нему показались ей въ милліонъ разъ прекраснѣе ея временной, непрочной сирени и она вдругъ бросилась къ больной, обняла ее и стала горячо цѣловать.

— Я злая, злая!.. Нехорошая!.. бормотала она.—Прости меня!.. Я больше не буду никогда!

А больная не понимала, въ чемъ дѣло, цѣловала ее въ свою очередь и счастье выздоровленія и чувство второй, вновь начинающейся жизни наполняло все ея существо...

Докторъ ушелъ, гувернантка убрала въ комнаткѣ и поставила цвѣты въ воду, а Вѣрочка все еще сидѣла около Маруси и рассказывала ей обо всемъ, что случилось въ паркѣ за этотъ послѣдній годъ. Она весело смѣялась, а Маруся отвѣчала ей слабой, но прекрасной улыбкой выздоравливающей больной.

— Ну, Вѣрочка, теперь пора!.. обратилась къ ней гувернантка.—Надо идти домой!..

Вѣрочка подбѣжала къ ней и, притянувъ ея голову себѣ къ лицу, тихо сказала ей на ухо:

— Мадмуазель, позвольте мнѣ остаться здѣсь еще! Здѣсь такъ весело съ Марусей!..

Гувернантка посмотрѣла на нее, молча поцѣловала ее, и, не сказавъ болѣе ни слова, вышла изъ избытки. Вѣрочка и Маруся остались однѣ.

Мѣсяць спустя, Вѣрочка и выздоровѣвшая Маруся, обѣ розовенькія и веселенькія, стояли уже около куста сирени и солнце обливало ихъ своими лучами такъ, что на нихъ было больно смотрѣть. Теперь сирень уже отцвѣла, но на смѣну ей появились новые цвѣты и надъ ними рѣяли бабочки и пчелы. Вѣрочка держала Марусю за руку и счастье жизни наполняло ее всю. Ей хотѣлось смѣяться, бѣгать, всѣхъ обнимать, порхать, какъ эти бабочки и пчелы, или взлетѣть къ далекому голубому прозрачному небу и взглянуть оттуда на землю съ облаковъ. А ея подруга стояла около нея и мечтательно глядѣла на сирень.

— Этотъ кустъ, спросила она,—тебѣ папа посадилъ на счастье?

Маруся посмотрѣла на нее, засмѣялась безъ причины и весело отвѣтила:—

— Да, на счастье! Развѣ ты не видишь, какъ я счастлива съ тобой?

И съ звонкимъ смѣхомъ обѣ побѣжали въ паркъ. М. Б.

ГОЛОВОЛОМКИ.

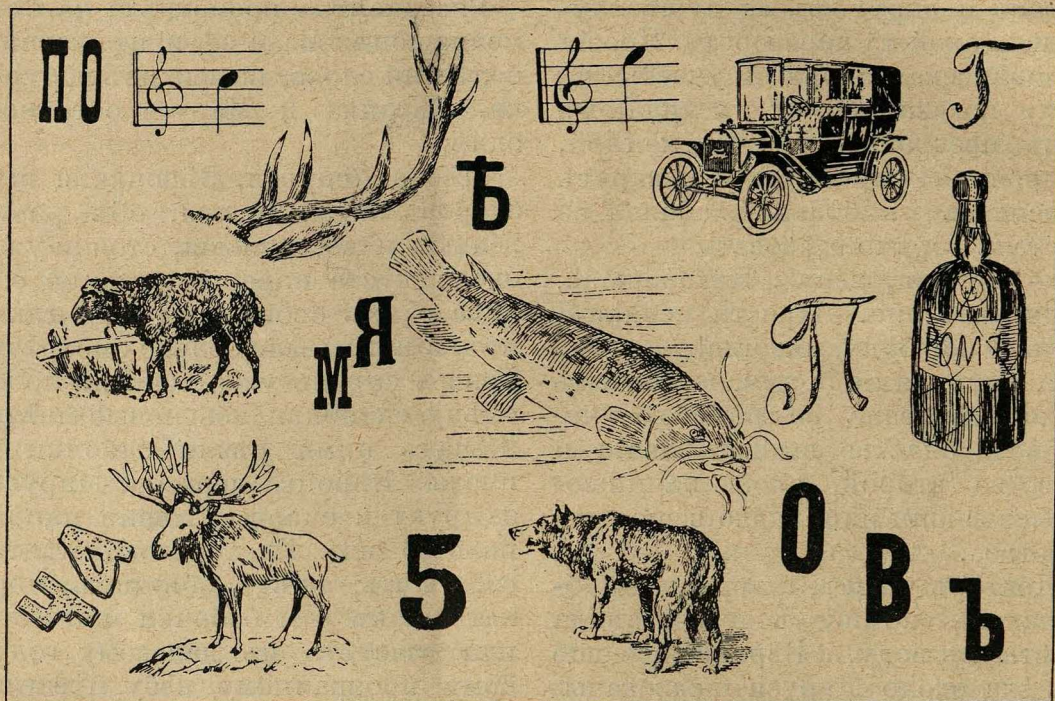
I.

Если взять часть пилы и прибавить къ ней цѣлый вѣкъ, то что изъ этого получится?

II.

Не + названіе змѣи + хвойныя деревья + тру + часть бочки + нота + б + то, что бываетъ у муж-

Ребусъ № 18.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

чинъ на лицѣ + единица + змѣя,
лягушка и ящерица + вать.

Что здѣсь написано?

III.

Если къ тому, что вбиваютъ въ
землю, прибавить то, что дѣти за-
учиваютъ наизусть въ младшихъ

классахъ, то получится мѣсто, гдѣ
приготавливаютъ закуски.

Что это?

IV.

Если слогъ „па“ взять сто разъ,
то получится 480 листовъ бумаги
и часть ноги.

Какъ это можетъ быть?

Дчехъ рекомендуется!

новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.
Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Ёмка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PH

PHYSICS 311

LECTURE NOTES

BY

PROFESSOR

OF PHYSICS

AND

OF ASTRONOMY

AND

OF THE SOLAR SYSTEM

OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 311

LECTURE NOTES

BY

PROFESSOR

OF PHYSICS

AND

OF ASTRONOMY

AND

OF THE SOLAR SYSTEM

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“ (отдѣльными листами).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ. 22, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“
С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.